

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 2107-2117
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.2107

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Public Consolidation of Subjects of the Russian Empire during the First World War

Roman V. Parma ^{a, *}

^a Financial University under the Government of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

The article examines the forms of consolidation of Russian society during the First World War based on the material of large industrial cities, where the interaction between society and government was most intense. The author concludes that despite all the efforts of the enlightened public, including the bureaucrats, the bourgeoisie and the intelligentsia, it failed to achieve a high degree of unity with the lower strata of urban society. Moreover, the very powerful consolidation impulse of the first months of the war, based on emotional upsurge and inflated expectations, began to evaporate quite quickly. The consolidation of the “enlightened” layers of Russian society, although preserved, in 1915–1916, took largely inertial forms. A clear mental distance was visible and even increased between the political elites, the intelligentsia and the bulk of the population of the Russian Empire. The cultural and psychological split between the “tops” and “bottoms” of Russian society most clearly manifested itself during the anti-alcohol campaign, which, instead of “sobering up society,” led to the accumulation of negative energy in it. It should be recognized that in 1915–1916. A very effective and popular form of behavioral (rather than declarative) consolidation of various segments of the population were public collections for various military needs, but their organization fell entirely on the shoulders of the intelligentsia and bureaucrats, while the workers in this case acted exclusively as the object of influence. Taking over some of the functions of the state, the public gradually accumulated political energy, while the government gradually lost its former authority in its eyes due to managerial inefficiency and the inability to both achieve decisive successes at the front and formulate an acceptable domestic political agenda that would meet the interests of the broad masses.

Keywords: First World War, Russian Empire, society, power, social consolidation, political mobilization.

1. Введение

Российское общество в годы Первой мировой войны является одной из наиболее актуальных тем современной историографии. В это время многие социальные, экономические, и политические процессы периода бурного развития российского капитализма на рубеже XIX–XX вв. достигают своего апогея и «переламываются», подготавливая революционную катастрофу 1917 г. и последующие события Гражданской войны. Еще одна причина особого внимания к российскому обществу периода 1914–1917 гг. — обилие источников. Начало XX в. в России было ознаменовано широким распространением массовой культуры. Приобщившийся к ней человек постепенно осознает себя важным субъектом прогресса, выходит на историческую сцену едва ли не впервые за многовековую историю российского государства и общества. Отражением этого процесса является значительное расширение круга периодических изданий, а также возникновение новых видов массовых источников — плакат, лубок, агитационная брошюра, кинохроника.

Важнейшим отражением исторического процесса в 1914–1917 гг. является тема консолидации российского общества. Этой теме посвящены многочисленные работы (преимущественно последних

* Corresponding author

E-mail addresses: rvparma@mail.ru (R.V. Parma)

трех десятилетий) как на региональном, так и на общероссийском материале. При этом следует отметить два основных направления темы: исследование социального поведения и менталитета широких слоев населения (солдатской массы, рабочего класса и крестьянства) с одной стороны, и деятельности общественных организаций, представлявших достаточно узкий слой городской буржуазии и интеллигенции, с другой. Эта весьма устойчивая историографическая традиция восходит еще к ленинской концепции «двух культур», практически не пересекавшихся в общественной жизни дореволюционной России.

Указанный подход в целом отражают последние значительные исследования, посвященные российскому обществу в период «Великой войны». В обширной коллективной монографии по истории Первой мировой, изданной в 2014 г., глава, посвященная российскому обществу в годы войны, по большей части включает сюжеты о создании и работе общественных организаций (Россия..., 2014: 400-499). Однако создавались эти структуры преимущественно представителями буржуазии, интеллигенции, духовенства, а «простой народ» выступал в их деятельности скорее в роли объекта воздействия. Эти организации, безусловно, играли выдающуюся роль в консолидации образованной части российского общества, но вопрос об отношении к их деятельности широких масс населения остается во многом не проясненным. С другой стороны, авторы исследований по социальной психологии крестьянства и рабочего класса преимущественно отталкиваются от экономических и демографических процессов, уделяя не слишком значительное внимание участию своих героев в разного рода общественных инициативах (Поршнева, 2004: 4-8).

Налицо противоречивая ситуация. С одной стороны, многочисленные примеры, приведенные в различных работах, свидетельствуют о факте социальной солидарности российского общества (по крайней мере, существенной его части) на фоне начавшейся Первой мировой войны. С другой стороны, общественная консолидация как самостоятельный социально-исторический феномен и основной тренд политического сознания, превалировавший в российском обществе, по крайней мере, в 1914-1916 гг., всё еще продолжает оставаться на периферии отечественной науки. Это еще раз подчеркивает важность системного осмысления социально-политической консолидации российского общества, различных его частей как важного и самостоятельного аспекта, во многом помогающего отразить суть исторической динамики России в период Первой мировой войны.

2. Материалы и методы

2.1. Источниковая база исследования была сформирована по большей части за счет привлечения неопубликованных ранее делопроизводственных документов, прежде всего, Государственного архива Ивановской области (ГАИО) из фондов Иваново-Вознесенской городской управы, Шуйской городской управы Владимирской губернии. Кроме того, были рассмотрены печатные отчеты о деятельности Иваново-Вознесенского Благотворительного общества. Помимо этого, для исследования использовались источники личного происхождения — воспоминания генералов императорской армии А.И. Деникина (1872–1947), Н.Н. Головина (1875–1944), а также французского посла Ж.М. Палеолога (1859–1944). Материалы дореволюционной периодической печати в работе не использовались ввиду фрагментарности картины, рисуемой этим источникам по исследуемой проблеме.

2.2. Проводимое исследование основано на принципе историзма. Историко-генетический метод предоставляет возможность рассмотреть консолидацию общества на всех этапах: от патриотического взрыва летом 1914 г. к разочарованию и апатии конца 1916 г. Историко-типологический метод поможет выявить общие черты изучаемых общественных явлений и выделить однородные стадии в их развитии. Именно такое сочетание методов позволяет рассматривать общественную консолидацию российского общества не как изолированное состояние общественного сознания (которое ярко проявилось 1914 г. и в последующем было в значительной степени утрачено), а как сложный, а порой и внутренне несбалансированный процесс.

3. Обсуждение

Как уже отмечено, исследовательские интересы сосредоточились преимущественно в двух направлениях: исследование социального поведения широких общественных масс и деятельности общественных организаций. Причем если первое направление преимущественно разрабатывалось в советской историографии в контексте истории рабочего класса и революционной борьбы, то второе — в работах по изучению политического кризиса самодержавия, а также истории буржуазных политических партий. В постсоветский период обе эти темы приобретают самостоятельное значение — на фоне событий 1990-х гг. у историков значительно вырос интерес как к социальной психологии масс, так и к принципам формирования и функционирования дореволюционных общественных организаций.

В советской историографии общественные установки и ментальные ориентиры крестьян, рабочих и солдат в Период первой мировой войны обычно рассматривался в рамках исследования истории революционной борьбы и большевистской партии. Здесь следует отметить работы П.В. Волобуева и Ю.И. Кирьянова (Волобуев, 1964; Кирьянов, 1970). История идейной борьбы касательно спорного вопроса войны и мира в социалистических партиях разрабатывалась в трудах

С.В. Тютюкина (Тютюкин, 1972). Впрочем, появляются и труды, рассматривающие психологию масс (рабочих и крестьян) в качестве отдельной проблемы — здесь следует назвать работу Г.Л. Соболева, а также монографию О.И. Зотовой, В.В. Новикова и Е.В. Шороховой, посвященную социальной психологии крестьянства (Соболев, 1968; Зотова и др., 1983). В определенном смысле итог этому направлению в историографии подвела О.С. Поршнева в обширной работе 2004 г. (Поршнева, 2004). В ней автор рассматривает эволюцию социального поведения крестьян, рабочих и солдат: анализирует поведенческие практики, ценностные ориентации, установки сознания и модели восприятия действительности, стереотипы представления. Также следует отметить труды А.Б. Астахова, посвященные психологии «солдата-крестьянина» российской армии в годы «Великой войны» (Астахов, 2012). В последние годы фокус исследований сместился от психологии социальных масс в направлении формирования «массовых настроений» российского общества времени Первой мировой и трансформации устойчивых социальных образов (прежде всего образа монарха) в условиях модернизации и столкновениях «двух культур» (Аксенов, 2020; Колоницкий, 2023).

Работы, посвященные истории общественных организаций, менее многочисленны. Среди них можно отметить труд С.Л. Гисина, который отметил возрастание политической роли Земского союза вместе с расширением его помощи армии (Гисин, 1946). Структурное устройство и деятельность Земгора в своей работе рассмотрела Г.С. Акимова. (Акимова, 1973). На рубеже 1970–1980-х гг. возникала обширная дискуссия о кризисе российской политической системы в годы Первой мировой войны. Одной из главных тем данной дискуссии являлось выяснение места и роли союзов в политической жизни страны. Все ее участники отмечали оппозиционность этих организаций по отношению к правительству (Аврех, 1985). Новый всплеск интереса к этим общественным организациям последовал в постсоветской историографии появились работы, посвященные сотрудничеству общественности и власти в 1914–1917 г., труды по организационной специфике и правовому статусу союзов, их политическому составу (Астахов, 1994; Судавцев, 2001; Шевырин, 2003).

При этом серьезным препятствием в исследованиях, посвященных сюжетам по истории российского общества в 1914–1917 гг. служит обилие источников, в том числе массового характера. Поскольку охватить весь комплекс печатных и архивных материалов даже по сравнительно узкой теме практически невозможно, исследователи зачастую сужают круг источников, что приводит их к одностороннему взгляду на проблему.

4. Результаты

Говоря о патриотической консолидации, различных ее формах и массовых проявлениях, отечественные исследователи в наибольшей мере акцентируют внимания на начальном этапе войны — событиях лета-осени 1914 г. Начало войны во всех городах Российской империи было воспринято с воодушевлением и отмечено многочисленными патриотическими манифестациями. В Санкт-Петербурге за несколько дней до объявления мобилизации (16 июля 1914 года) прошли широкомасштабные манифестации — толпы людей с национальными флагами и пением гимна двигались по улицам, несколько демонстраций было устроено перед зданием посольств Сербии, Англии и Франции. С 18 июля 1914 года подобные манифестации проходили во всех крупных городах России. И.Б. Белова отмечает, что в них были задействованы представители всех слоев населения — в частности, в рабочем Брянске в манифестации приняли участие до 15 тыс. рабочих (Белова, 2011: 160). Стихийными шествиями сопровождалась и проводы солдат в армию. В ходе них во многих городах проходили различные церемониальные мероприятия, символизировавшие преемственность воинских традиций от ополченцев «Первой Отечественной» войны (1812 г.) к солдатам «Второй Отечественной» (1914 г.). Французский посол Ж.М. Палеолог отмечал, что «война возбудила во всем русском народе удивительный порыв патриотизма», подтверждая это сведениями со всех уголков страны (Палеолог, 1991: 73).

Особое внимание к подобным церемониям было обусловлено тем, что предыдущие два года были отмечены грандиозными юбилеями — 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия династии Романовых. Оба этих события сопровождалась многочисленными и масштабными юбилейными мероприятиями. Начало войны актуализировало недавние лозунги — народ должен был повторить подвиг 100-летней давности подтвердить трехвековую верность царствующей династии. Например, в городе Калуга 14 сентября 1914 года «была организована церемония торжественная передачи формируемым дружинам боевых знамен калужского ополчения времен Отечественной войны 1812 г.» (Белова, 2011: 160). На торжестве присутствовало все высшее чиновничество и духовенство, включая губернатора и епископа Калужского Георгия. Знамена и воины ополчения были окроплены святой водой (Белова, 2011: 160).

Подобные примеры позволяют говорить о том, что первые месяцы войны стали, безусловно, периодом наиболее явной и заметной патриотической консолидации, которая приобрела общенациональный характер. Справедливо полагать, что указанный патриотический порыв основывался не только на интегрирующих, разделяемых разными слоями российского общества, социальных и политических ценностях, но и на широком известном психологическом эффекте завышенных политических ожиданий. Суть данного эффекта проявлялась в распространенном

мнении, что ход военных действий будет успешным для российской армии, и противостояние с противником не войдет в затяжную фазу.

В то же время следует отчасти согласиться с мнением, что существенную роль в первые месяцы войны играл и фактор официальной пропаганды, а также поддерживаемая «сверху» активность провластных общественных структур. Так, В.Б. Аксенов полагает, что основными организаторами патриотических манифестаций выступали монархисты и правые общества различного толка – при активной поддержке губернской администрации. Ядром этих манифестаций, по его словам, выступал «средний класс» городского населения: дамы из общества, торговые служащие, интеллигенция и наиболее лояльные власти общественные группы – от дворников до учащихся (Аксенов, 2020: 90-92). Патриотический порыв первых дней войны всемерно поддерживается и со стороны самого монарха. Император ищет единства с народом, в начале августа 1914 г. отправляясь в Москву «чтобы поклониться московским святыням и помолиться древней Троице». Символическое «единение» удалось на славу – царскому семейству была устроена всенародная встреча, в которой участвовали сотни тысяч горожан. По итогам визита Николай II отмечал общность собственных «чувств и мыслей со всем Моим народом», что придавало ему «спокойную уверенность в будущем» (Колоницкий, 2023: 87-90).

Скептицизм В.Б. Аксенова относительно патриотического порыва первых месяцев войны основан скорее, на оценке ситуации уже с точки зрения последующих событий. Анализ же ситуации на местах свидетельствует, что осенью 1914 года патриотические настроения, безусловно, преобладали в российском обществе. Например, в Иваново-Вознесенске Владимирской губернии – одном из крупнейших текстильных центров империи, известном своими революционными традициями – сложилась следующая ситуация. К началу Первой мировой он был переполнен неквалифицированными рабочими, едва оставившими свои земельные наделы: по Всероссийской переписи 1897 г. население города оценивалось в 54 тыс. чел, а к 1913 г. достигло 168,5 тыс. чел. Тем не менее патриотический порыв здесь также был очень силен. 24 июля 1914 г. Городская управа докладывала Думе: «Серьезность переживаемого исторического момента объединила все слои русского общества. Партийные распри и забастовки прекратились при первых же известиях о начале войны, и вместо них мы видим взрыв патриотических манифестаций, полный порядок в ходе мобилизации, заявления о пожертвованиях и дружные выступления городов и земств с мероприятиями по облегчению положения раненых и семейств запасных. Население Иваново-Вознесенска, приглашенное 22 июля 1914 г. на Георгиевскую площадь для молебствия о даровании победы русскому воинству, собралось в громадном количестве и патриотическими манифестациями засвидетельствовало свое единомыслие со своим государем и всем русским обществом» (ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5198. Л. 5).

При всем официозном привкусе подобных свидетельств (которые касаются абсолютно всех крупных российских городов), нельзя не признать, что патриотические митинги в первые дни войны действительно собирали внушительное число участников. Подобные мероприятия являлись для широких масс населения едва ли не единственной возможностью приобщиться к общественно-политической жизни страны, почувствовать себя частью огромной империи. Вследствие этого патриотический подъем на подобных митингах действительно был чрезвычайно высок. С большим воодушевлением первоначально была встречена и мобилизация – призывники были уверены, что война продлится недолго. Н.Н. Головин отмечал, что мобилизация 1914 г. поражала свидетелей аналогичных мероприятий времен русско-японской войны «различием в настроении во всех слоях русского народа». По его словам, в 1914 г. количество желающих отправиться на фронт заметно превышало даже возможности призывных комиссий: «Многие из запасных в глухой провинции являлись перед комиссиями по воинскому присутствию и просили не свидетельствовать их физическую годность, заявляя, что они совершенно здоровы» (Головин, 1926: 83).

Более сдержанной выглядела реакция на войну сельских жителей. А.И. Деникин вспоминал, что «народ поднимался на войну покорно, но без всякого воодушевления и без ясного сознания необходимости великой жертвы» (Деникин, 1990: 118). О.С. Поршнева указывает, что крестьяне воспринимали войну как «разновидность неподвластного им стихийного бедствия» (Поршнева, 2004: 106). Н.В. Юдин отмечает, что реакция городских и сельских жителей на начало войны «свидетельствовала скорее не об отсутствии в 1914 г. патриотического подъема в среде сельских жителей, а о различиях городской и сельской культуры» (Юдин, 2014: 19). В то же время такого рода сдержанность восприятия, ограниченность форм патриотической консолидации на сельских территориях Российской империи свидетельствует о двух важных культурно-политических моментах. Первый – это серьезнейшая ментальная дистанция между властью и «образованными» (городскими слоями общества) с одной стороны, и российским селом, крестьянами – с другой. Второй момент заключается в том, что механизмы ретрансляции официальной идеологии (главным образом, государственная пропаганда) были отчетливо ориентированы на городские слои, не рассматривали крестьянство как первоочередной объект идейно-политического воздействия и решающий мобилизационный ресурс власти в условиях возможного перехода военных действий в затяжную фазу. Это объясняется серьезной недооценкой возможной роли крестьянства в предстоящей войне со стороны власти, которая проистекала из весьма смутных представлений политических элит Российской империи о специфике начавшегося военного противостояния как столкновения людских

масс, противоборства государственных экономических систем. Безусловно, отчужденность правящих элит и временно солидаризировавшихся с ними городских слоев от крестьянских масс не была абсолютной. Однако наличие крайне существенной дистанции (ситуация, когда «крестьянский фактор» – массовые настроения в среде сельского населения) недооценивался властью и официальной пропагандой сыграли негативную роль на последующих этапах в 1915–1916 гг., когда стало очевидно, что противостояние приобрело длительный характер.

При этом, даже говоря о «едином патриотическом порыве» среди городского населения, не следует переоценивать его осознанность, гиперболизировать его внутренний эмоциональный потенциал и способность ретушировать внутривнутриполитические противоречия, характерные для России того времени. Ведущая роль в идейной организации подобных патриотических акций принадлежала интеллигенции и представителям правых организаций. Мотивы рабочих, поддержавших патриотический порыв первых месяцев войны, были обусловлены скорее общим, ситуативно обусловленным и активно распространяющимся эмоциональным всплеском в российском обществе, чем сознательным идеологическим и политическим выбором. В.Б. Аксенов в связи с этим отмечает, что «в основе революционных и патриотических акций лежали подчас одни и те же эмоции, факторы архаичного бунтарства», так что не следует рассматривать динамику массовых движений лета 1914 г. как движение от «революционного полюса к патриотическому» (Аксенов, 2020: 82). Аналогичной точки зрения придерживается и В.П. Булдаков – главным источником патриотического взрыва летом 1914 г. он называет рессентимент, имевший «догражданскую психосоциальную основу» и управлявшийся «патерналистским инстинктом». Именно это и стало, по его мнению, главной причиной того, что «рессентимент», в конечном счете, оказался направлен против ставшей «негодной» власти (Булдаков, 2014: 13).

Но в то же время весьма очевидно, что восприятие начавшейся войны и тем более ощущение ее справедливости и народного характера не могло базироваться исключительно на эмоциональной платформе «рессентимента». Различные социальные группы стремились интегрировать в представление о характере происходящего и некий прагматический компонент, обусловленный сугубо их собственными интересами и мнениями о будущем России как социально-политического организма. Так, интеллигенция в основной своей массе видела в войне, прежде всего, средство достижения идейного единства общества и одновременно – катализатор и без того назревших социально-экономических реформ. Однако для большинства населения – как крестьянства, так и городских слоев – столь идеалистическое восприятие новых общественных условий было абсолютно чуждо. Наиболее ярко это расхождение «двух культур» демонстрирует антиалкогольная кампания, стартовавшая в российских городах в августе 1914 г. «сухой закон» был введен 22 августа 1914 г. До окончания войны запрещалась продажа спирта, водки и иных алкогольных изделий для местного потребления, а также виноградного вина крепостью более 16 % и пива крепче 3,7 %. Причем формально введение антиалкогольных ограничений было доверено органам местного самоуправления (Пашков, 2010: 83-87). Согласно гипертрофированному идеалистическому взгляду «просвещенного общества» последствия «сухого закона» были самыми благоприятными. Например, авторы одного из обращений в Иваново-Вознесенскую Думу писали, что благодаря этому закону: «в семье вошел ангел мира и любви. Воистину произошло обновление Руси. Не должно быть в эти грозные дни в нашем обиходе места вину» (ГАИО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 766. Л. 6, 55-58).

Однако реальные последствия антиалкогольных мер оказались противоречивыми по своему содержанию. Во-первых, очень быстро начали сказываться на поступлениях в государственный бюджет. Во-вторых, население, не имевшее возможности легального приобретения спиртных напитков, искало обходные пути. Как следствие, резко возросло потребление алкогольных суррогатов, распространялось самогонование. Если в 1913 г. в России было выявлено лишь 600 случаев «тайного винокурения», то уже в 1915 г. – более 6000 аналогичных правонарушений (Пашков, 2010: 88-90). Орловский губернатор А.В. Арапов в 1916 г. отмечал, что «со всех сторон слышит жалобы на развивающееся среди населения пьянство», что подтверждалось и его личными наблюдениями (Букалова, 2014: 23).

Еще одной масштабной патриотической кампанией, которая должна была способствовать консолидации российского общества, оказались благотворительные сборы «на войну». Они распределялись по нескольким направлениям: подарки в действующую армию, помощь семьям мобилизованных, поддержка лечебно-реабилитационных мероприятий для больных и раненых воинов, а после «Великого отступления» 1915 г. – еще и обеспечение беженцев. Организаций, занимавшихся благотворительными мероприятиями, было множество – в каждом крупном городе имелось несколько местных комитетов, отделения общероссийских императорских обществ, а зачастую еще и национальных организаций (польских или еврейских). На волне патриотизма возникают всероссийские общественные организации, главной задачей которых являлось объединение общественных сил в помощи фронту: Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов.

Земский союз был образован уже на исходе июля 1914 г. на Всероссийском съезде представителей земств в Москве, а Союз городов – в начале августа на Всероссийском съезде представителей городов. К концу 1915 г. в Союз городов вошли 464 губернских и уездных города,

в большей части которых были созданы местные комитеты этой организации. Изначально оба Союза занимались формированием больничных учреждений для лечения раненых в тылу, но вскоре в связи с настоятельной необходимостью «перешли линию фронта» и организовывали также санитарную и продуктовую инфраструктуру уже и на фронте. Всего расходы Союза городов в течение войны превысили 2 млн руб., его санитарные поезда перевезли 2,5 млн больных и раненых, на питательных пунктах Союза было накормлено 4,9 млн раненых и 8,6 млн беженцев. Не менее эффективен оказался и Земский союз. Только за первые 4 мес. войны им было открыты госпитали на 160 тыс. коек, оборудовано 40 санитарных поездов и создано столько же питательных пунктов, в мастерских по пошиву белья для нужд раненых нашли работу 12 тыс. женщин. К апрелю 1915 г. по заказам интендантства Земский союз изготовил уже 17,4 млн штук вещей (Россия..., 2014: 457). Деятели Союзов объясняли результативность их работы «высоким потенциалом российской общественности». А вот российская власть, по мнению тех же деятелей, подобного потенциала оказалась лишена и доверие общества не оправдала (Россия..., 2014: 433-434).

Весеннее отступление 1915 г. поставило насущную необходимость в организации снабжения армии. С июня 1915 г. начинают создаваться военно-промышленные комитеты, призванные обеспечить мобилизацию российской промышленности, ее полномасштабный переход в режим военного времени. Как только государство санкционировало общественное участие в вопросах организации промышленности и снабжения фронта, «П.П. Рябушинский на IX-м съезде представителей промышленности и торговли призвал русскую промышленность к объединению и дружной работе для обслуживания нужд войны» (Головин, 2016: 310). На съезде был организован Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК), который должен был осуществлять координацию взаимодействия правительственных учреждений и районных военно-промышленных комитетов. Уже в первые два месяца после съезда местные военно-промышленные комитеты появились в 73 городах страны. В начале июля 1915 г. появляется Главный комитет земского и городского союзов по снабжению армии (Земгор), после чего начинает формироваться сеть местных комитетов снабжения армии – губернских и уездных. Они должны были мобилизовать для армейских нужд среднюю и мелкую крестьянскую промышленность (кустарей). Таким образом, была предпринята попытка выстроить единую вертикаль снабжения армии. Впрочем, она оказалась не слишком удачной ввиду несогласованности в работе армейской стороны, вплоть до заказа разных партий снаряжения отдельными армейскими частями без посредства интендантского ведомства.

Большая часть финансовых средств Земского и Городского союзов (более 90 %) представляла собой казенные субсидии и в общем объеме частных пожертвований было невелико. Главным позитивным результатом деятельности этих организаций было отнюдь не аккумулятивное финансирование, а пробуждение частной инициативы. Лидер и основатель Союза городов Н.И. Астров отмечал, что основой для его создания послужил «естественный порыв» московской общественности с целью «участия всех живых сил в работе на помощь государству» (Россия..., 2014: 425). Таким образом, можно говорить о том, что, начиная с 1915 г., российская общественность, причем не только столичная, ощущала все большую важность собственной роли в «военной жизни» страны. Сначала она сводилась преимущественно к традиционным социальным функциям благотворительных обществ (сбор подарков для армии, лечение раненых и больных воинов, поддержка семейств мобилизованных). После привлечения общественных организаций к делу снабжения армии (с лета 1915 г.) их участники получают часть функций, прежде неотъемлемо принадлежавших государству, что резко увеличивает их общественно-политический вес. Лидеры ЦВПК и Земгора А.И. Гучков, Г.Е. Львов, М.В. Челноков становятся заметными политическими фигурами в стране.

Однако необходимо заметить, что наряду с общественной инициативой война дала серьезный импульс пробуждению политической жизни в России. Если в период «столыпинщины» российская многопартийная система, в общих чертах сформированная в 1905–1907 гг., стала давать существенные сбои, то война пробудила к жизни не только центральные, но и региональные партийные организации. При этом весьма красноречив тот факт, что открыто провластные или лояльные по отношению к власти правые партии не сумели в полной мере приспособиться к новым социально-политическим реалиям. Прежде всего, они не смогли сформировать внятной и обоснованной внутривластной программы (внешняя была ясна — война до победы над Германией). Так, едва ли не главными кампаниями правых в годы Первой мировой стала борьба с «немецким засильем» и «отрезвление русского народа». Но практика показала, что пропаганда в этих направлениях часто приводит к результатам, противоположным желаемому — германофобия превращалась из мер против поданных вражеских держав в деструктивную бытовую ксенофобию — борьбу с «русскими немцами» (здесь не следует забывать, что династия Романовых имела также немецкое происхождение).

Что касается антиалкогольных мер, то первая эйфория очень скоро сменилась пониманием их неэффективности. При этом в экономической сфере правым партиям так и не удалось сформулировать удобоваримую программу развития, если не полностью адекватную, то хотя бы частично отвечающую запросам и социальным нуждам широких слоев населения. В правой

политической среде в 1914–1916 гг. господствовало устойчивое убеждение, что любые невоенные вопросы должны быть отложены вплоть до победы над врагом, что заставило их даже пойти на некоторые уступки либеральному лагерю. В результате процесс раскола правого движения и размывания монархической идеи, стартовавший еще после смерти председателя Совета министров Российской империи П.А. Столыпина, резко набирает ход в годы Первой мировой численность членов правых организаций к 1916 г. сокращается с 450 тыс. чел. до 45 тыс. чел. – в 10 раз.

Либеральные партии, напротив, в годы войны резко увеличивают численность и набирают авторитет. Если социалистическое движение в результате деятельности «циммервальдийцев» оказалось расколото, то либеральное, напротив, консолидировалось. Причиной резкого подъема этого движения явилось уже описанное выше «пробуждение интеллигентной общественности», которая в большинстве своем придерживалась либеральных взглядов. Либералы рассматривали войну через призму понятий «оборонительная», «справедливая» и «общенародная». Их целью было смягчить все национальные и региональные противоречия, объединив всю «прогрессивную общественность» под лозунгом войны до победного конца. (Россия..., 2014: 561). Самая массовая либеральная партия (кадеты) вскоре оказалась поставлена перед проблемой «война и революция». По мере поражений на фронтах и ухудшения экономического положения страны этот вопрос стоял все более остро. Бессилие власти в решении многих военных и экономических проблем давали либералам возможность предложить альтернативу действующему монархическому режиму. Особенно к этому подталкивали успехи Земского и Городского союзов, организовавших работу намного эффективнее неповоротливых государственных структур. Их участники поверили в то, что могут сами взять в руки управление.

Вместе с тем вопрос о революции оказался настолько острым, что привел к отходу части либеральной общественности в лагерь социалистов (эсеров и меньшевиков). Если в 1914 г. функционировало 80 региональных комитетов кадетской партии, то к марту 1917 г. их осталось всего 50 (Россия..., 2014: 572). Неопределенность политической линии руководства по целому ряду животрепещущих вопросов (прежде всего, аграрному и рабочему) толкала региональных кадетов в ряды социалистов. Их поражение в годы войны в результате активной антивоенной позиции, заявленной целым рядом авторитетных лидеров, было достаточно сложным. Но в процессе нарастания экономического и политического кризиса их влияние на массы стало нарастать буквально скачкообразными темпами.

Большая часть обывателей (как сельских, так и городских) не имела никакого отношения к работе Земского и Городского союзов, за исключением разве что исполнения их заказов на поставку снаряжения или медицинских средств. Для обывателя главной формой приобщения к «военной повестке» являлось участие в благотворительных кампаниях по сбору денежных средств и вещей. И.Б. Белова отмечает, что «сборы пожертвований облекались в разные формы: кружечные сборы, подписные листы, лотереи и базары, а также различные культурные мероприятия (лекции, концерты, спектакли, кинематографические сеансы)» (Белова, 2011: 202). По ее мнению, «в годы войны претерпела изменения организационная сторона благотворительности», что выразилось в массовом привлечении к этой деятельности «обывателя» (Белова, 2011: 202).

Многообразие благотворительных организаций, разнообразие форм помощи, которые адресовались нескольким группам населения (от фронтовиков до беженцев), а также разные механизмы сбора средств, применявшиеся филантропическими обществами в зависимости от местных условий, затрудняют создание и оценку общей картины «военной» благотворительности в годы Первой мировой войны. Поэтому целесообразнее обратиться к анализу консолидации общества с помощью благотворительности на примере одного из крупных промышленных городов. Так, в Иваново-Вознесенске, городе со значительным числом промышленных рабочих, внушительной прослойкой крупной буржуазии и активно развивавшейся общественной сферой. Первые сборы «на войну» здесь были открыты при городских управах практически сразу после начала мобилизации. Городская дума предложила в связи с этим открыть городской управе кредит в 25 тыс. руб. на выдачу пособий семьям нижних воинских чинов и ратников ополчения и организовать в городе лазарет для раненых воинов на 100 коек. Для сбора средств семьям мобилизованных формировалось попечительство, для организации лазарета — Комитет помощи больным и раненым воинам. Наконец, управа обращалась к городскому населению «с призывом о пожертвовании на помощь раненым и семьям запасных» (ГАИО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5198. Л. 5-7).

Не вызывает сомнений, что значительная часть средств, собранных в Российской империи «на войну» в 1914 г., была получена от обычных горожан из «среднего класса» и даже низших слоев населения. Однако постепенно поток пожертвований иссякает в силу того, что первоначальный патриотический энтузиазм постепенно сменяется массовой усталостью, социальной и политической неопределенностью, а также частичным разочарованием результатами военных действий после «Великого отступления» 1915 г.

Можно констатировать, что консолидация российского общества на волне патриотических настроений в начале «Великой войны» была на достаточно высоком уровне. Это выражалось не только в массовых публичных акциях в поддержку участия России в войне, но и в активной гуманитарной

деятельности, направленной на содействие российской армии, обеспечение мобилизационных мероприятий в экономике. Вместе с тем военные неудачи 1915–1916 гг. негативно повлияли на эмоциональное состояние российского общества, способствовали снижению уровня патриотической консолидации в различных его слоях. Так, в 1916 г. намечается все более отчетливый кризис «общенародных» форм помощи фронту. Благотворительность все в большей мере становится делом «цензовых элементов», тогда как рабочие и крестьяне, охваченные патриотическим порывом в начале войны, все менее участвуют в этих акциях даже в качестве «пассивных элементов». Дело в том, что перед ними уже с лета 1915 г. встает проблема обеспечения продовольствием. Война начинает восприниматься и властью, и значительной частью общества через призму «тыловых проблем», а не фронтовых успехов или неудач российской армии. С мая по сентябрь 1916 г. серьезные продовольственные беспорядки прошли в нескольких крупных уральских городах, от Оренбурга до Кунгура. Резко усиливается забастовочное движение, и хотя требования рабочих носили преимущественно экономический характер, агитация велась уже «на политической прокладке» и была направлена «к внушению рабочим мысли о необходимости прекращения войны» (Поршнева, 2016: 39-40).

Таким образом, в течение 1916 г. военные тяготы постепенно разводят «просвещенное общество» и народные массы российских городов. Большую роль в изменении общественно мнения сыграли не столько военные поражения как таковые, сколько поиск виновников этих неудач, причем прежде всего в правительстве и даже императорской семье.

На фоне военных неудач все сильнее начинают сказываться просчеты российской пропаганды, оказывавшейся не слишком эффективной. Следует признать, что российской правящей элите не удалось приобщить «массового человека», вышедшего из традиционного общества, к пониманию важности политических целей, ради которых ведётся война. В результате на фоне военных поражений 1915–1916 гг. оказалось неизбежно резкое падение популярности войны в различных слоях российского общества. Все большее расхождение официальных источников с реальным положением дел на фронте и в тылу вызывало обратный пропагандистский эффект — резкое повышение доверия к различным слухам (даже среди «просвещенного общества»). В широких слоях городского и сельского населения этот эффект приводил к десакрализации устоявшихся образов государя, социальному раздражению и утрате доверия к власти.

5. Заключение

Анализ форм общественной консолидации россиян в годы Первой мировой войны свидетельствует, что, несмотря на все усилия «образованного общества» пробить стену между «двух культур» России начала XX в. не удалось даже в экстремальных условиях «напряжения всех общественных сил» 1914 – начала 1917 гг.

Главной формой консолидации российского общества в 1914–1916 гг. были кампании по сбору средств на решение различных «вопросов, вызванных войной»: обеспечение фронтовиков недостающей амуницией и продовольствием, призрение семей мобилизованных, уход за больными и ранеными, прием и размещение беженцев. В России была создана внушительная сеть государственных и общественных организаций, занимавшихся решением всех этих проблем. Однако при этом основная часть населения Российской империи, испытывая патриотический энтузиазм в 1914 г., была далека от четкого понимания политических целей и характера начавшейся войны. В дальнейшем, (в 1915 – начале 1917 гг.) на фоне неудач на фронте и обострения социально-экономических проблем в тылу, первоначальная общественная консолидация все более уступала место нарастанию отчуждения между властью и всеми слоями российского общества, что в итоге привело к кризису политической системы Российской империи.

Литература

- Аврех, 1985 — Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М.: Наука, 1985. 260 с.
- Акимова, 1973 — Акимова Г.С. Главный по снабжению армии комитет (Земгор) 1915-1918 гг. (организационное устройство и деятельность). Автореферат дис. ... канд. ист наук. М., 1973. 24 с.
- Аксенов, 2020 — Аксенов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020. 992 с.
- Асташов, 1994 — Асташов А.Б. Всероссийский союз городов в 1914-1918 гг. Автореферат дис. ... канд. ист наук. М., 1994. 27 с.
- Асташов, 2012 — Асташов А.Б. Пропаганда на Русском фронте в годы Первой мировой войны. М.: Спецкнига, 2012. 400 с.
- Белова, 2011 — Белова И.Б. Первая Мировая война и российская провинция (1914 — февраль 1917 г.). М.: АИРО-XXI, 2011. 228 с.
- Букалова, 2014 — Букалова С.В. Государственная политика трезвости в годы первой мировой войны // *Вестник государственного и муниципального управления*. 2014. № 3. С. 18-25.
- Булдаков, 2014 — Булдаков В.П. Август 1914-го: природа «патриотических» настроений // *Вестник Тверского государственного университета*. Серия: История. 2014. № 4. С. 4-22.

Бутрин, 2012 — Бутрин Е.С. Благотворительная деятельность иваново-вознесенских фабрикантов в период Первой Мировой войны / Меценаты русской провинции: история и современность. Иваново, 2012. С. 38-50.

Волобуев, 1964 — Волобуев П.В. Пролетариат и буржуазия в России в 1917 году. М.: Мысль, 1964. 358 с.

ГАИО — Государственный архив Ивановской области.

Гисин, 1946 — Гисин С.Л. Всероссийский земский союз (политическая эволюция с июня 1914 по февраль 1917 г.). Автореферат дис. ... канд. ист наук. М., 1946. 25 с.

Головин, 1926 — Головин Н.Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. Прага: Пламя, 1926. 436 с.

Головин, 2016 — Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М.: Вече, 2016. 560 с.

Деникин, 1990 — Деникин А.И. Путь русского офицера. М.: Прометей, 1990. 292 с.

Зотова и др., 1983 — Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В. Особенности психологии крестьянства (будущее и настоящее). М.: Наука, 1983. 168 с.

Кириянов, 1970 — Кириянов Ю.И. Об облике рабочего класса в России / Российский пролетариат: облик, борьба, гегемония. М.: Наука, 1970. С. 100-140.

Колоницкий, 2023 — Колоницкий Б.И. Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 520 с.

Лаверычев, 1957 — Лаверычев В.Я. Рабочее движение в Иваново-Вознесенске в годы Первой мировой войны. М.: Издательство Московского университета, 1957. 159 с.

Обзор..., 1914 — Обзор деятельности Иваново-Вознесенского Благотворительного общества за 1914 год. Иваново-Вознесенск: Типолитография А.И. Дилигенского, 1915. 88 с.

Обзор..., 1915 — Обзор деятельности Иваново-Вознесенского Благотворительного общества за 1915 год. Иваново-Вознесенск: Типолитография А.И. Дилигенского, 1916. 80 с.

Обзор..., 1916 — Обзор деятельности Иваново-Вознесенского Благотворительного общества за 1916 год. Иваново-Вознесенск: Типолитография А.И. Дилигенского, 1916. 75 с.

Омельянчук, 2019 — Омельянчук И.В. Монархические организации Владимирской губернии в период Первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2019. № 3. С. 625-641.

Отчет..., 1915 — Отчет по кружечному сбору, произведенному 3-го мая 1915 г. на помощь семьям призванных на войну. Иваново-Вознесенск: Типолитография А.И. Дилигенского, 1915. 8 с.

Палеолог, 1991 — Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Международные отношения, 1991. 240 с.

Пашков, 2010 — Пашков В.Е. Антиалкогольная кампания в России в годы Первой мировой войны // *Вопросы истории*. 2010. № 10. С. 80—93.

Поршнева, 2004 — Поршнева О.С. Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы первой мировой войны. М.: РОССПЭН, 2004. 365 с.

Поршнева, 2016 — Поршнева О.С. Общественные настроения в уральских губерниях в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1917 г.) // *Великая война*. Вып. 5. М.: Квадрига, 2016. С. 31-44.

Россия..., 2014 — Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. Ред. Ю.А. Петров. М.: РОССПЭН, 2014. 982 с.

Соболев, 1968 — Соболев Г.Л. Письма в Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов как источник для изучения общественной психологии в России в 1917 г. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Вып. 1. Л.: Наука, 1968. С. 159-173.

Судацков, 2001 — Судацков Н.Д. Земское и городское самоуправление в России в годы Первой мировой войны. М.; Ставрополь: Издательство Ставропольского университета, 2001. 718 с.

Тютюкин, 1972 — Тютюкин С.В. Война, мир, революция. Идеиная борьба в рабочем движении России 1914-1917 гг. М.: Мысль, 1972. 304 с.

Тютюкин, 2008 — Тютюкин С.В. Россия: от Великой войны — к Великой революции / Война и общество в XX веке: в 3 кн. Кн. 1. М.: Наука, 2008. С. 120-160.

Шевырин, 2003 — Шевырин В.М. Власть и общественные организации в России (1914-1917). М.: ИНИОН РАН, 2003. 151 с.

Юдин, 2014 — Юдин Н.В. Патриотический подъем в начале Первой мировой войны // *Вестник МГИМО*. 2014. № 4. С. 17-25.

References

Akimova, 1973 — Akimova, G.S. (1973). Glavnyj po snabzheniyu armii komitet (Zemgor) 1915-1918 gg. (organizacionnoe ustrojstvo i deyatelnost'). [Main Army Supply Committee (Zemgor) 1915-1918. (organizational structure and activities)]. Avtoreferat dis. ... kand. ist nauk. 24 p. [in Russian]

Aksenov, 2020 — Aksenov, V.B. (2020). Sluhi, obrazy, emocii. Massovyje nastroeniya rossiyan v gody vojny i revolyucii (1914–1918). [Rumors, images, emotions. Mass moods of Russians during the years of war and revolution (1914-1918)]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 992 p. [in Russian]

Astashov, 1994 — Astashov, A.B. (1994). Vserossijskoj soyuz gorodov v 1914-1918 gg. [All-Russian Union of Cities in 1914-1918]. Avtoreferat dis. ... kand. ist nauk. M., 27 p. [in Russian]

- [Astashov, 2012](#) – *Astashov, A.B.* (2012). Propaganda na Russkom fronte v gody Pervoj mirovoj vojny. [Propaganda on the Russian front during the First World War]. M.: Spetskniga, 400 p. [in Russian]
- [Avrekh, 1985](#) – *Avrekh, A.Ya.* (1985). Raspad tret'eiyun'skoj sistemy. [Collapse of the June Third system]. Moscow: Nauka, 260 p. [in Russian]
- [Belova, 2011](#) – *Belova, I.B.* (2011). Pervaya Mirovaya vojna i rossijskaya provinciia (1914 – fevral' 1917 g.). [First World War and the Russian province (1914 – February 1917)]. M.: AIRO-XXI, 228 p. [in Russian]
- [Bukalova, 2014](#) – *Bukalova, S.V.* (2014). Gosudarstvennaya politika trezvosti v gody pervoj mirovoj vojny [State policy of sobriety during the First World War]. *Vestnik gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya*. 3: 18-25. [in Russian]
- [Buldakov, 2014](#) – *Buldakov, V.P.* (2014). Avgust 1914-go: priroda «patrioticheskikh» nastroenij [August 1914: the nature of «patriotic» sentiments]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istorija. 4: 4-22. [in Russian]
- [Butrin, 2012](#) – *Butrin, E.S.* (2012). Blagotvoritel'naya deyatel'nost' ivanovo-voznesevskikh fabrikantov v period Pervoj Mirovoj vojny. [Charitable activities of Ivanovo-Voznesensk manufacturers during the First World War]. *Metsenaty russkoi provintsii: istoriya i sovremennost'*. Ivanovo, pp. 38-50. [in Russian]
- [Denikin, 1990](#) – *Denikin, A.I.* (1990). Put' russkogo oficera [The path of the Russian officer]. M.: Prometei, 292 p. [in Russian]
- [GAIO](#) – Gosudarstvennyj arhiv Ivanovskoj oblasti [State Archives of Ivanovo Region].
- [Gisin, 1946](#) – *Gisin, S.L.* (1946). Vserossijskij zemskij soyuz (politicheskaya evolyuciya s iyunya 1914 po fevral' 1917 g.). [All-Russian Zemstvo Union (political evolution from June 1914 to February 1917)]. Avtoreferat dis. ... kand. ist nauk. M., 25 p. [in Russian]
- [Golovin, 1926](#) – *Golovin, N.N.* (1926). Iz istorii kampanii 1914 goda na russkom fronte. Nachalo vojny i operacii v Vostochnoj Prussii [From the history of the 1914 campaign on the Russian front. The beginning of the war and operations in East Prussia]. Praga: Plamya, 436 p. [in Russian]
- [Golovin, 2016](#) – *Golovin, N.N.* (2016). Rossiya v Pervoj mirovoj vojne [Russia in the First World War]. M.: Veche, 560 p. [in Russian]
- [Kir'yanov, 1970](#) – *Kir'yanov, Yu.I.* (1970). Ob oblike rabocheho klassa v Rossii [On the appearance of the working class in Russia]. Rossiiskii proletariat: oblik, bor'ba, gegemoniya. M.: Nauka. Pp. 100-140. [in Russian]
- [Kolonickij, 2023](#) – *Kolonickij, B.I.* (2023). Tragicheskaya erotika»: Obrazy imperatorskoj sem'i v gody Pervoj mirovoj vojny. [Tragic Erotica: Images of the Imperial Family during the First World War]. M.: Novoe literaturnoi obozrenie, 520 p. [in Russian]
- [Laverychev, 1957](#) – *Laverychev, V.Ya.* (1957). Rabochee dvizhenie v Ivanovo-Voznesenske v gody Pervoj mirovoj vojny. [Labor movement in Ivanovo-Voznesensk during the First World War]. M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 159 p. [in Russian]
- [Obzor..., 1914](#) – Obzor deyatel'nosti Ivanovo-Voznesenskogo Blagotvoritel'nogo obshchestva za 1914 god [Overview of the activities of the Ivanovo-Voznesensky Charitable Society for 1914]. Ivanovo-Voznesensk: Tipolitografiya A.I. Diligenskogo, 1915. 88 p. [in Russian]
- [Obzor..., 1915](#) – Obzor deyatel'nosti Ivanovo-Voznesenskogo Blagotvoritel'nogo obshchestva za 1915 god [Overview of the activities of the Ivanovo-Voznesensky Charitable Society for 1915]. Ivanovo-Voznesensk: Tipolitografiya A.I. Diligenskogo, 1917, 1916. 80 p. [in Russian]
- [Obzor..., 1916](#) – Obzor deyatel'nosti Ivanovo-Voznesenskogo Blagotvoritel'nogo obshchestva za 1916 god [Overview of the activities of the Ivanovo-Voznesensky Charitable Society for 1916]. Ivanovo-Voznesensk: Tipolitografiya A.I. Diligenskogo, 1917. 75 p. [in Russian]
- [Omel'yanchuk, 2019](#) – *Omel'yanchuk, I.V.* (2019). Monarhicheskie organizacii Vladimirskoj gubernii v period Pervoj mirovoj vojny [Monarchist organizations of the Vladimir province during the First World War]. *Novejshaya istoriya Rossii*. 3: 625-641. [in Russian]
- [Otchet..., 1915](#) – Otchet po kruzhechnomu sboru, proizvedennomu 3-go maya 1915 g. na pomoshch' sem'yam prizvannyh na vojnu [Report on the collection made on May 3, 1915 to help the families of those drafted to the war]. Ivanovo-Voznesensk: Tipolitografiya A.I. Diligenskogo, 1915. 8 p. [in Russian]
- [Paleolog, 1991](#) – *Paleolog, M.* (1991). Carskaya Rossiya vo vremya mirovoj vojny [Tsarist Russia during the World War]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 240 p. [in Russian]
- [Pashkov, 2010](#) – *Pashkov, V.E.* (2010). Antialkogol'naya kampaniya v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. [Anti-alcohol campaign in Russia during the First World War]. *Voprosy istorii*. 10: 80-93. [in Russian]
- [Porshneva, 2004](#) – *Porshneva, O.S.* (2004). Krest'yane, rabochie i soldaty Rossii nakanune i v gody pervoj mirovoj vojny. [Peasants, workers and soldiers of Russia on the eve and during the First World War]. M.: ROSSPEN, 365 p. [in Russian]
- [Porshneva, 2016](#) – *Porshneva, O.S.* (2016). Obshchestvennye nastroeniya v ural'skih guberniyah v gody Pervoj mirovoj vojny (1914 – nachalo 1917 g.) [Public moods in the Ural provinces during the First World War (1914 – early 1917)]. *Velikaya vojna*. Vyp. 5. M.: Kvadriga, pp. 31-44. [in Russian]

Rossiya..., 2014 — Rossiya v gody Pervoj mirovoj vojny: ekonomicheskoe polozhenie, social'nye processy, politicheskij krizis [Russia during the First World War: economic situation, social processes, political crisis]. M.: ROSSPEN, 2014. 982 p. [in Russian]

Shevyrin, 2003 — *Shevyrin, V.M.* (2003). Vlast' i obshchestvennyye organizacii v Rossii (1914-1917). [Power and public organizations in Russia (1914-1917)]. M.: INI ON RAN. 151 p. [in Russian]

Sobolev, 1968 — *Sobolev, G.L.* (1968). Pis'ma v Petrogradskij Sovet rabochih i soldatskih deputatov kak istochnik dlya izucheniya obshchestvennoj psihologii v Rossii v 1917 g. [Letters to the Petrograd Council of Workers' and Soldiers' Deputies as a source for the study of social psychology in Russia in 1917]. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny*. Vyp. 1. L.: Nauka, pp. 159-173. [in Russian]

Sudavcov, 2001 — *Sudavcov, N.D.* (2001). Zemskoe i gorodskoe samoupravlenie v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. [Zemstvo and city self-government in Russia during the First World War]. M.; Stavropol': Izdatel'stvo Stavropol'skogo universiteta. 718 p. [in Russian]

Tyutyukin, 1972 — *Tyutyukin, S.V.* (1972). Vojna, mir, revolyuciya. Idejnaya bor'ba v rabochem dvizhenii Rossii 1914-1917 gg. [War, peace, revolution. Ideological struggle in the Russian labor movement 1914-1917]. M.: Mysl', 304 p. [in Russian]

Tyutyukin, 2008 — *Tyutyukin, S.V.* (2008). Rossiya: ot Velikoj vojny — k Velikoj revolyucii. [Russia: from the Great War to the Great Revolution Voina i obshchestvo v XX veke: v 3 kn. Kn. 1. M.: Nauka. Pp. 120-160. [in Russian]

Volobuev, 1964 — *Volobuev, P.V.* (1964). Proletariat i burzhuaziya v Rossii v 1917 godu [The proletariat and the bourgeoisie in Russia in 1917]. M.: Mysl', 358 p. [in Russian]

Yudin, 2014 — *Yudin, N.V.* (2014). Patrioticheskij pod'em v nachale Pervoj mirovoj vojny [Patriotic upsurge at the beginning of the First World]. *Vestnik MGIMO*. 4: 17-25. [in Russian]

Zotova i dr., 1983 — *Zotova, O.I., Novikov, V.V., Shorohova, E.V.* (1983) Osobennosti psihologii krest'yanstva (budushchee i nastoyashchee) [Features of the psychology of the peasantry (future and present)]. M.: Nauka, 168 p. [in Russian]

Общественная консолидация подданных Российской империи в период Первой мировой войны

Роман Васильевич Парма ^{a, *}

^a Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются формы консолидации российского общества в годы Первой мировой войны на материале крупных промышленных городов, где взаимодействие общества и власти было наиболее интенсивным. Автор приходит к выводу, что, несмотря на все усилия просвещенной общественности, включавшей чиновничество, буржуазию и интеллигенцию, ей не удалось достичь высокой степени единения с низшими слоями городского общества. Более того, весьма мощный консолидационный импульс первых месяцев войны, основанный на эмоциональном подъеме и завышенных ожиданиях, стал достаточно быстро улетучиваться. Консолидация «просвещенных» слоев российского общества, хотя и сохранялась в 1915–1916 гг., приняла во многом инерционные формы. Прослеживалась и даже увеличивалась отчетливая ментальная дистанция между политическими элитами, интеллигенцией и основной массой населения Российской империи. Культурно-психологический раскол «верхов» и «низов» российского общества наиболее ярко проявился во время антиалкогольной кампании, которая вместо «отрезвления общества» привела к накоплению в нем негативной энергии. При этом следует признать, что в 1915–1916 гг. весьма эффективной и востребованной формой поведенческой (а не декларативной) консолидации различных слоев населения были общественные сборы на разные военные нужды, но организация их полностью ложилась на плечи интеллигенции и чиновничества, тогда как рабочие выступали в данном случае исключительно в роли объекта воздействия. Принимая на себя некоторые функции государства, общественность постепенно накапливала политическую энергию, тогда как правительство постепенно теряло в ее глазах прежний авторитет ввиду управленческой неэффективности, неспособности как добиться решающих успехов на фронте, так и сформулировать приемлемую внутривнутриполитическую повестку дня, отвечающую интересам широких масс.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, общество, власть, общественная консолидация, политическая мобилизация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: rvparma@mail.ru (Р.В. Парма)